

К 70-летию со дня рождения
Николая ГРИБАЧЕВА

ВЕРНОСТЬ ИДЕАЛУ

Время было безудержным, вздыбленным, крылатым. Время революционного созидания. Оно диктовало не только новые представления о возможностях человека-творца, ставшего подлинным хозяином жизни, но и наполняло горячим дыханием труда и борьбы произведения тех, кто входил в литературу, и тех, кто уже работал в ней. Романтика созидания диктовала стихи и очерки, повести и романы героических лет первых пятилеток, когда в литературу входил и Николай Грибачев. Входил в нее уже сформировавшимся человеком, осознавшим кровную причастность крестьянского сына к пролетарской революции.

Если выбирать из всего созданного художником за полвека работы в литературе, то самое главное, что выражает его сущность как поэта и гражданина, несомненно обнаружишь в этом четверостишье из стихотворения «Юнаки»:

Мне по атаманам известна
Времени правда живая:
Смелому лучшее место —
Линия передовая...

В каждой строке как бы в «снятом» состоянии запечатлена жизнь человека, нерасторжимо сплавленная с жизнью страны. И борьба за великое преобразование мира стала программой сердца сына Родины, определив и единственное место в этой борьбе — передовую. И вся строфа, как и все созданное поэтом, публицистом и прозаиком Николаем Матвеевичем Грибачевым, пронизана ярким светом того идеала, какой он выбрал раз и навсегда в пору юности, сошедшей с юностью социалистической России. Об этом он скажет позднее четко и просто в книге «Выбор века», как говорят об очевидном и состоявшемся: «Я рос и формировался как человек в бурные годы становления и укрепления Советской власти. Случалось, что книги приходилось выменивать на молоко и читать при луне. Но я не помню, чтобы чувствовал себя несчастным. Моим идеалом стал идеал коммунистический — все остальные, хотя зачитывался я порой черт те чем, казались тусклыми, неинтересными, фальшивыми. И реально я жил в двух мирах — в том, который был, и в том, который должен был» (Подчеркнуто мной. — Б. Л.).

И Грибачев работал и сражался вместе с народом за воплощение в реальность этого идеала, который стал подлинным «выбором века» не только для Страны Советов, но и для всего человечества.

Нередко можно слышать о цельности творческого мира Николая Грибачева, об органичности всего созданного талантом художника. И выводят эту цельность из верности одной теме, одному герою. Может быть, в таких суждениях и есть доля истины, но только доля. Мне представляется, что органичность художественного мира, реализованная литератором в самых разных жанрах, обуславливается прежде всего именно его верностью своему идеалу. В справедливости этого как раз и убеждает разностороннее, многообразное и в то же время глубоко единое творчество Николая Грибачева.

Ничто, происшедшее и происходящее в мире, не минуло его художественного интереса с тех пор, как он ощутил в себе тягу к литературному творчеству. И прежде всего потому, что все это было его человеческой

биографией, которая начиналась в селе Лопушь Выгоничского района на Брянщине, где он родился 19 декабря 1910 года в многодетной крестьянской семье.

Как и другие крестьянские дети, с которых классик списал незабываемый «портрет» мужика-сноготок, Н. Грибачев рано постиг деревенские тяготы и заботы. Сначала по дому, а с десяти лет «уже брали в поле боронить и подносить снопы; с одиннадцати лет — пахал; с четырнадцати — косил, молотил, сеял, рубил лес. С тех пор всегда учился и работал, воевал и учился».

А как же литература? Откуда она? Обычно, признается писатель, при встречах с читателями чаще всего слышишь вопрос: «Почему именно избрали вы литературу, на каком именно основании решили, что можете в ней работать?» И шутя отвечал: «Боюсь, что не я ее избрал, а она меня затянула». И уже всерьез рассказывал, как это случилось, что он стал поэтом, писателем, газетчиком, редактором. Не отсюда ли и эта жанровая «пестрота»? Может быть. Ведь и «жизнь моя, — говорит Николай Грибачев, — складывалась с причудливым разнообразием...».

После шестнадцати лет учился в школе крестьянской молодежи с агрономическим уклоном, затем в мелиоративном техникуме на гидротехническом отделении в городе Брасове, работал в Карелии на осушении болот. Общение с рабочими людьми, интерес к истории сурового края, дружба с людьми героической профессии — пограничниками не просто расширили кругозор молодого техника с сердцем поэта, но и озарили его идеал правдой подвига, которая ярко проявилась в буднях защитников границы. Им и была посвящена его первая поэма «Видлица (О коммунистах)».

Вместе со стихами тех лет, несущими на себе осязаемые следы ученичества, преодоления заметных влияний классиков и современников, поэма составила книгу «Северо-Запад».

Затем дорога жизни привела поэта в Смоленск, где он сотрудничал в газете и в литературно-художественном альманахе. И эта веха в биографии оказалась одной из решающих в его неизменной настроенности на живую, быстротекущую и вечно обновляющуюся современность, так как «газетная работа держит человека в напряженном внимании ко всем событиям мира, а одновременно возбуждает, вливает органически во все большие и малые проблемы народного бытия... Газета... решительно учит находить и видеть взаимобусловленность и взаимозависимость большого и малого, общего и частного».

Последующие годы подтвердили нерасторжимость его биографии с судьбой страны. В качестве корреспондента Николай Грибачев участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию, затем в войне с белофиннами, где довелось испытать и горечь окружения, и особенности партизанской борьбы с врагом на зимних лесных дорогах; познакомиться с трагической романтикой работы разведчиков.

В годы Великой Отечественной войны командовал саперным батальоном в составе Сталинградского фронта, форсировал Дон. После был переведен в армейскую газету, прошел с боями по дорогам Польши, Герма-

нии, Чехословакии. О себе, о своем поколении он поведает людям во многих стихах, поэмах, рассказах и повестях, которые писал и в годы войны, и особенно в 50-х и 60-х годах. Правда, о пережитом и испытанном хотел рассказать более подробно сразу после Победы. Но началась сложная, интересная, захватывающая работа, связанная с заграничными поездками, потребовавшая непосредственного участия в борьбе за мир. Поэтому пришлось отложить на время фронтовые записи: «бурные и разнообразные события современности оказались сильнее воспоминаний». Да и как же иначе:

Не тем поверстаны мы веном,
Не та судьба досталась нам,
Чтоб,

то да се перекумекая,
Сесть, как по дотам,
по домам...

Вещей и догм отвергли
плен мы,
И власть владын,

и божий суд.
Мы стали
действием поэмы,
Что революцией зовут!

Верность коммунистическому идеалу по-прежнему «питала» сердце бойца, каким вновь предстает Николай Грибачев в своих стихах и публицистике после победных лет. Но отныне идеал был наполнен высочайшей гордостью солдата за подвиг народа, защитившего социализм и спасшего от фашистской неволи человечество. Именно с позиций этого идеала в строю советских людей повел бой за торжество мира на земле поэт и публицист Николай Грибачев. Линия этого фронта, где главные сражения сместились в сферу идей, не имела ничейной полосы. «А это значит, что журналистское слово не поддало под демобилизацию, не ушло с линии огня, хотя и сменило мундир на костюм и гимнастерку на рубашку с галстуком».

«Вечный штурм» — называется одно из стихотворений Николая Грибачева, в котором угадывается блоковский «вечный бой». Но это не поэтическая реминисценция, а естественное выражение той жизненной программы, которая обусловлена верностью идеалу и предельно полно оказалась воплощенной в «кодексе» борца в стихотворении «Своему сердцу»:

Не могу стоять
затылком к бою,
Перед новым делом
быть в долгу,
С ненавистью давней
и любовью —
Плачь не плачь —
проститься не могу.

На усталость жалобой моею,
Выходом из строя
хоть на миг
Огорчить друзей моих
не смею
И врагов порадовать моих.

Значит, бейся,
сколько можешь биться,
А когда почувствуешь беду,
Не проси меня
остановиться, —
Можешь разрываться
на ходу!..

Да, без чувства боя, без ощущения горячего дыхания идеологического фронта, где со снайперской меткостью ведет прицельный огонь по врагам мира и социализма беспощадный гуманизм писателя-коммуниста, опираясь на силу верности народа ленинским идеалам партии, —

без всего этого немислим Николай Грибачев в нашем восприятии, где неделимо соединилось все созданное им — стихи и поэмы, публицистические статьи и рассказы. Его по праву можно назвать добровольцем самых оперативных и самых боевых жанров в литературе.

И вместе с тем внутреннее единство всего созданного художником обусловлено нерасторжимой и нескончаемой связью с Родиной, с любимой Брянщиной, сельской тропкой, по которой, уйдя однажды в большую жизнь, он нередко и наяву, и в мыслях, и чувствах своих возвращается туда, в отчий дом, к родимому очагу детства. Без этого, по мысли Николая Грибачева, и не может быть настоящего художника.

«Литератору следует ездить... путешествовать, чтобы хорошо знать дела, думы, обычаи людей, природу, народное хозяйство. Но ему необходимо обладать и усидчивостью, привязанностью к одному небольшому уголку Родины. И этот уголок надо изучать в особенности глубоко и всесторонне. Изучить до мелочи, до былинки в поле. Чтоб где бы ты ни был, а зажмурился — и видел каждый поворот родной реки, все извилины на коре дуба и даже цвет облака над грabenкой леса. Чтоб слышал говор воды, чувствовал запах трав и... видел те же сны, что снятся сейчас твоим землякам. Без этого не будет своих, индивидуальных красок в изображении любви, борьбы, людей».

Сказанное действительно тогда, когда опирается на реально осуществленное. За словами Николая Грибачева стоял его мир, неповторимый в красках, звуках, запахах, настоянных на шуме брянских лесов, полей и рек, на говоре земляков. В каждом его поэтическом сборнике, в каждой книге прозы и публицистики нельзя не обнаружить той самой народной «задуминки», «смекалки» или «хитринки», которые свойственны природе характера русского человека. И эти черты склада мышления соотечественника просвечивают в писательском умном и тонком суждении, в точном наблюдении, в отношении к себе и к своим героям, какими бы они ни были, в каких бы жанрах ни «действовали». Ощущение действительности — признак высокого искусства. Оно рождает мобилизованность духа, ведет, направляет мысль. Разве не этим привлекают к себе стихи Николая Грибачева или публицистические статьи, составившие книги «Полемика», «Сталь и моль», «Полдень», «Выбор века» и другие?! Разве не аukaется в душе читателя глубина правды жизни деревни в его рассказах «Кузница» и «Старый сад», «Августовские звезды» и «Рассказ о первой любви»? Или разве не опалит сердце человека правда пережитого в дни войны, запечатленная в повести «Белый ангел в поле»? Проза Николая Грибачева при всей своей лиричности всегда несет огромный заряд обобщения жизни. Грубо выражаясь, она всегда имеет плотную философскую «подкладку».

Действительно, все, о чем бы он ни писал, в конечном счете взросло на опыте пережитого вместе с народом, на опыте, переплавленном в горячем пламени коммунистического идеала в стихи и статьи, рассказы и повести. И потому по созданному художником можно воспроизвести облик его самого, и поныне исповедующего как основной закон жизни свою слитность с героической судьбой народной, с судьбой своего поколения:

И я смирял свое в себе,
И шел, и вел навстречу бою,
Чтоб равным
в общей стать судьбе
И все же быть самим собою,
И личной цели не иметь,
И пораненье, торжество ли,
И честь победы или смерть —
Принять в своей
и общей доле...

Бор. ЛЕОНОВ